

Цена 20 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Литературная газета

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕВ СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ **В. БАГРИЦКОГО**, **А. БОЛОТНИКОВА**,
М. КОЛЬЦОВА, **В. ЛИДИНА**, **И. СЕЛЬВИНСКОГО**, **А. СЕЛИВАНОВСКОГО**,
М. СУБОШКОГО, **М. СЕРЕБРЯНСКОГО**, **М. ЧАРНОГО**, **Е. УСИЕВИЧ**.

№ 6 (497)

Среда, 30 января 1935 года.

ЗАГРИМИРОВАННЫЙ ЧЕХОВ

(Чехов в дооктябрьской критике)

«Критики нет,—писал Чехов в 1888 г.—Дующий в шаблон Татищев, осел Михневич и равнодушный Буренин—вот и вся российская критическая сила. Бывают минуты, когда и положительно падают духом. Для кого и для чего я пишу? Для публики? Но я ее не вижу и в нее верю меньше, чем в домового... Писать для похвал? Но они меня только раздражают. Литературное общество, студенты, Евреинова, Плещеев, девицы и проч. расхвалили мой «Припадок» вовсю, а описание первого снега заметил один только Григорович. И т. д. и т. д. Будь же у нас критика, тогда бы я знал, что я составляю материал,—хороший или дурной, все равно,—что для людей, посвятивших себя изучению жизни, я так же нужен, как для астронома звезда. И я бы тогда старался работать и знал, для чего работаю... Исчезла бесследно масса племен, религий, языков, культур—исчезла, потому что не было историков и биологов. Так исчезает на наших глазах масса жизней и произведений искусств, благодаря полному отсутствию критики».

«Я двенадцать пять лет читаю критику на мои рассказы, а ни одного ценного указания не помню, ни одного доброго совета не слышал». Эти слова Чехова, приводимые А. М. Горьким в его воспоминаниях о Чехове, как и многочисленные высказывания на эту же тему в письмах, рисуют отношение Чехова к современной ему критике. И вся прижизненная и особенно посмертная громадная по объему дореволюционная критическая литература целиком и полностью оправдывает этот жестокий приговор.

И вот каким сложился в дооктябрьской критике образ Чехова. Предоставим слово самим критикам.

1. Чехов — безыдейный писатель. М. Протопопов писал: «Суждения г. Чехова часто очень метки и остроумны, картины его воображения большей частью ярки и живы, но в чем состоит его мирозерцание—этого никто не скажет, потому что его у г. Чехова вовсе нет. Вся совокупность литературных произведений Чехова представляется какой-то беспорядочной кучей материала, среди которой немало хлама. Это писатель без опоры и без цели». Идеология Чехова—это «беспринципность», возводимая в принцип». Критик кадетского Московского еженедельника Ставровский называет Чехова писателем-«хамелеоном»: «Чего только не высказано на страницах его рассказов! Тут есть и высокое, и плоское, и радостное, и печальное, и—главное—все это без всякой связи между собой. В этой рассыпчатости, идейной бессвязности чеховского творчества надо искать главную и последнюю причину его хамелеонственности» (1910 г.). В том же году в статье, озаглавленной «Без крыльев», М. Неведомский заявляет, что Чехов как писатель «был лишен пафоса» (разумеется, идейного), он «в идеологическом смысле—почти обыватель». Критик-обыватель утверждает: «Ничему он нас никогда не поучал, ничего от нас не требовал, проблем не решал, Америк не открывал и новых путей не отыскивал. Жил, замечал, раздумывал за ужином рыбы, а потом рассказывал себе, не мудрствуя лукаво, то весело, то трогательно, так, что всем занято было, и понятно, и нравилось» («Утро России», 1914 г.).

2. Чехов — проповедник примирения с действительностью. «К дрянной жизни с дрянными людьми Чехов подходит со спокойной и снисходительной улыбкой» (Ключевский). Чехову мило «русское болотце»: «Люблю кислые щи с кашей, но на этот раз они уж слишком пережарили, да и каша распирает бока»,— вот Чехов и его отношение к жизни, прощающее в умышной, любящее, но не уважающее» (В. Розанов). «Основное свой-

ство чеховского мышления—безвольность, пассивность... Чехов принимает мир и даже обожествляет его, оправдывает его весь целиком со всей населяющей его жестокостью, низостью, пошлостью»,—вещает В. Шмидт.

3. Чехов — сторонник «великого неделания», художник-«непротивленец». «Чехов не любил и не понимал дела» (Айхенвальд). «Чехову была ненавистна всякая цель, всякая целесообразность, всякое планомерное устремление к данному пункту; это потому, что он любил и славил и воспевал единое мифовое начало, великую бесцельность, безвольность, самоцель и словно он дал аннибалову клятву—презирать, ненавидеть, клеймить, шельмовать не вора, не разбойника, не утешителя, а только того, чьи речи ясны и определены, кому известно, для чего он существует, кто работает целесообразно и закономерно» (К. Чуковский).

4. Чехов — эстет, с высоты поглядывающий на грешную землю. «Его вкусы и настроения были по существу своему чисто эстетическими» (Неведомский). «Чехов—эстет чистой воды» (Философов). «Чехов был жрецом эстетической религии» (Г. Чулков).

5. Чехов — мистик. «Произведения Чехова содержат в себе касания мирам иным. Мистика есть у него, хотя она и рождается из простого. Именно Чехов покажал, что обыкновенное—мистично, что реальное—таинственно» (Айхенвальд). «Его повествования—это целомудренное касание сокровенному в реальном» (Г. Чулков). А. Белый в реальных фигурах персонажей из «Вишневого сада»—гостях на балу у Раевских—в почтовом чиновнике и в начальнике станции видит «воплощение рокового хаоса», «маски ужаса».

6. Чехов — мечтатель-утешитель. Это излюбленное положение критики. «Чехов любил мечту о жизни светлой, прекрасной и изящной. А то, что называется жизнью,—эти тусклые, серенькие будни беспросветной пошлости, эти сумерки вызывают у него только брезгливое чувство, часто—страх, а в лучшем случае—скорбную улыбку сожаления» (Волжский). Чехов «с особенным искусством умел поить нас липовым чаем» утешения. «Он оставляет все как есть и тихо жалеет людей» (Д. Философов). «Чехов утешает читателя грустными словами: «Мы отдохнем...» (Абрамович). «Чехов создавал в нас благородное стремление уйти от мерзости и запустения той тины, которую принято называть реальной действительностью» (А. Ростовцев). Уйти, разумеется, в мир мечты, иллюзий. Чехов—«безвольный мечтатель, покорно изображающий внешнюю жизнь» (В. Шмидт),—такова формула этого понимания Чехова.

7. Чехов — пессимист, мытник. Это наиболее распространенное истолкование Чехова, идущее из различных лагерей критики. «Тоска жизни, *tedium vitae**) римлян первой империи, потерявших смысл существования», вот в чем, по словам А. Богдановича, основная доминанта чеховского творчества. «Пессимизм слит с Чеховым органически. Единственным утешением для писателя является загробная жизнь, когда мы услышим ангелов, увидим небо в алмазах» (Ашеров).

Таков Чехов в изображении буржуазно-дворянской критики.

Смертный враг мещанства во всех его видах, «беспощадно и правдиво» показавший «людям позорную и тоскливую картинку их жизни в тусклом хаосе мещанской обывальщины» (М. Горький), разоблачитель пошлости, был загримирован критикой безыдейным писателем-обывателем. Пи-

сатель, который, по словам А. М. Горького, как никто «чувствовал значение труда глубоко и всесторонне», был зачислен в число пророков неделания. Трезвый материалист был объявлен певцом потустороннего. Величайший из реалистов представлен безвольным мечтателем-утешителем. И, наконец, писатель, бывший воплощением мужественности, быть может, самый мужественный из русских писателей, каждое новое произведение которого «все усиливало ноту бодрости и любви к жизни»*), был загримирован беспросветным пессимистом-мытником.

Читая приведенные выше высказывания критики о Чехове, дающие в совокупности образ какого-то кос-

А. П. Чехов в Нице в 1897 г. Непубликованный рисунок А. А. Хотяинцевой.

мического выразителя мещанства, мещанина с большой буквы, думаешь: что это — сознательное искажение, злобная клевета «человека в футляре», мстившего своему злейшему врагу, или бессознательное стремление мещанина создать писателя по образу и подобию своему, чтобы иметь право сказать: и ты таков же, каков есть я, стремление обывателя спрятать голову под крыло утешительного обмана, чтобы не смотреть в глаза той правде, которая ослепительно сияет со страниц книг Чехова. Это о себе, а не о Чехове писали гг. Гиппиус, Мережковский, Айхенвальды, Ставровские и др. Это их отчаяние, их скука, их страх и предчувствие собственной гибели, их стремление уйти в мир иллюзий, в мир «возвышающего обмана», встают со страниц их писаний о Чехове.

Буржуазная критика извратила лицо подлинного Чехова, чтобы уменьшить разоблачающую силу его творчества, снизить силу его художественной критики «России — страны казенной», символическим выражением которой является фигура утешителя Пришибеева. В понимании Чехова оказались классовая ограниченность буржуазной критики, ее полная методологическая беспомощность. Только вооруженная учением Маркса — Ленина — Сталина, критика сможет понять действительного Чехова, объяснить его творчество, раскрыть диалектику его творческого пути.

Е. З. БАЛАБАНОВИЧ.

*) Эти главы взяты из замечательной статьи М. Горького 1900 г. о повести Чехова «В овраге» — одной из немногих настоящих критических статей о Чехове в дореволюционный период.

*) Отвращение к жизни.